

РЮ МУРАКАМИ

ПАРАЗИТЫ

Читать модно!

Рю Мураками

Паразиты

«РИПОЛ Классик»

2000

УДК 82/89
ББК 84(5Я)6

Мураками Р.

Паразиты / Р. Мураками — «РИПОЛ Классик», 2000 — (Читать модно!)

ISBN 978-5-367-04359-4

Довольно-таки мрачное произведение японского писателя, в котором смешались биотехнологии, жуткие истории о ритуальных убийствах, терроризм и хакерские взломы компьютерных программ, неожиданно оборачивается историей о человеке, который ищет и находит смысл своей жизни.

УДК 82/89
ББК 84(5Я)6

ISBN 978-5-367-04359-4

© Мураками Р., 2000
© РИПОЛ Классик, 2000

Содержание

I	6
II	16
III	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Рю Мураками

Паразиты

© Ryu Murakami, 2000

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО «Торговом
«Амфора», 2016

I

Уихара давно уже ни с кем не разговаривал.

Когда он только-только поступил в младшую среднюю школу, мать отвела его к психиатру, но тот лишь посмеялся над мальчиком. Тогда Уихара замкнулся в себе, и даже родители больше не смогли выжать из него ни слова.

Семейство обитало в заштатном городишке, расположенном где-то между префектурами Токио и Сайтама. Всего пять человек – отец, мать, старший брат, сам Уихара и сестра. Это были ничтожные, посредственные люди. Отец работал бухгалтером в строительной конторе, мать не представляла собой ничего особенного и развлекалась сочинением трехстиший – хокку. Старший брат в свое время поступил в престижный институт в Сайтама (главным образом благодаря своим достижениям в бейсболе), но ни разу так и не участвовал ни в одном турнире, в связи с чем был благополучно отчислен. Отец нашел ему место при муниципалитете, и теперь братец сражался за местную команду. Сестра еще училась в институте. Уихара подозревал, что она до сих пор девственница. Каждая черточка ее лица, каждая складочка ее наряда выдавали в ней полную бездарность, а отсутствие интереса к мальчикам и манера безвкусно одеваться делали ее совершенно отвратной.

После двух лет обучения Уихара отказался ходить в школу. К тому времени ему исполнилось четырнадцать. Мать начала таскать его по врачам, но это мало помогало – Уихара окончательно ушел в себя. Когда терпение родителей наконец иссякло, ему сняли небольшую квартиру недалеко от дома и махнули на него рукой. Как выразился брат: «Наверное, для тебя просто нет места в этой жизни». Время от времени к нему заходила сестра, но, поскольку Уихара упорно не открывал рта, она ограничивалась тем, что приносила ему пищу или пирожное и тотчас же выскакивала вон из квартиры. Отца он не видел уже года два. Раз в неделю приходила мать, кормила его и перемывала накопившуюся грязную посуду. Иногда она ни с того ни с сего начинала говорить о религии или о какой-нибудь только что прочитанной книге, но уходила ни с чем – Уихара молчал как рыба.

Его уже никто не звал по имени, даже мать и сестра. Нет, имя, конечно, у него было, но Уихара отказался от него, как только бросил учебу. В один прекрасный день он просто перестал отзываться на него, и это явилось первым знаком его ухода из этого мира. Постепенно Уихара стал забывать всю свою прошлую жизнь. Еще в школе он решил выбросить из головы все, что успел узнать, и теперь не помнил почти ничего. В какой-то мере этому поспособствовали и препараты, прописанные ему психиатром.

Но три недели тому назад, к неопишуемой радости матери, Уихара вдруг выказал желание иметь компьютер. Мать немедленно купила ему ноутбук, но попросила ничего не говорить отцу. «Пусть это будет нашей маленькой тайной», – нежно проворковала она ему на ухо. Уихара обратился в провайдерскую фирму, и вскоре у него появился выход в Интернет и электронный адрес.

Тогда-то ему на глаза попалось имя телеведущей Йосико Сакагами. Оно стояло под статьей на одном из сайтов в Сети. «Присылайте свои суждения и комментарии, и я обязательно свяжусь с вами», – гласило объявление.

Обычно Уихара проводил все свободное время с игровой приставкой. Но из-за антидепрессантов, что прописал врач, ему было трудно сконцентрировать взгляд на экране и игры пришлось бросить. Иногда Уихара становилось так плохо, что он даже не мог нажимать на клавиши. Зато теперь он был ошарашен осознанием того, до чего же глупо тратил свою жизнь.

Впрочем, о существовании Йосико Сакагами он знал и раньше. Однажды он совершенно случайно увидел ее лицо на телеэкране. Накачанный транквилизаторами, Уихара передвигался с огромным трудом, а в тот день его вообще хватило только на то, чтобы доползти до ванной.

Он уже вытирался, когда раздался голос матери: «Смотри, вот Йосико Сакагами!» Это имя почему-то сразу закралось в его душу. «Она нравится тебе?» – не отставала мать. Уихара кивнул. На следующий день мать принесла ему книгу Сакагами. Текст был набран крупными литерами, но изобиловал непонятными иностранными словами, и Уихара забросил это занятие.

Как и многие другие персональные странички, сайт Йосико Сакагами по большей части представлял собой что-то вроде дневника. Правда, там имелся и форум, где посетители могли оставить свои толкования тех или иных вопросов. Темы обсуждений обычно касались серьезных проблем международного характера: ситуация на Ближнем Востоке, кризис в Юго-Восточной Азии, ирландская проблема, генная инженерия, экология и токсичные выбросы. На сайте был указан электронный адрес Йосико Сакагами, но Уихара полагал, что у нее должен быть еще один, не предназначенный для широкой публики. «Да и вряд ли можно ответить на все присылаемые письма», – думал Уихара. «Глубоко признательна Вам за Ваш отзыв» – вот и все. Уихара совсем не хотелось получить что-нибудь подобное, и он раздумал писать.

Йосико Сакагами прельщала его своим строгим выражением лица и раскосыми глазами. К тому же она постоянно появлялась в красном. Еще ребенком Уихара нравились курносые женщины с очень узкими глазами и выступающим подбородком. Возможно, дело было в том, что его собственная мать обладала невыразимо мягкими чертами лица. А с тех пор как он заперся от мира и людей в своей камерке, его влечение к противоположному полу почти исчезло. Разглядывал ли он фотографии обнаженных женщин, смотрел ли ночные программы для взрослых – он всегда видел только обнаженных женщин. Причины, по которым эти женщины раздевались и принимали соблазнительные позы, оставались для него неясными. Несомненно, это был побочный эффект от воздействия препаратов, которые его заставляли принимать. Лечащий врач даже опасался, что Уихара, к которому никто, кроме его домашних, не приходил, может потерять не только сексуальное желание, но и все остальные желания тоже.

Иногда с Уихара случалось нечто вроде приступа сексуального возбуждения. В такие минуты он походил на новорожденного ребенка, который посередине глубокого сна вдруг широко распахивает глаза и разражается диким ревом. Однако такие приступы никак не были связаны с эротическими картинками в журналах. Как правило, они случались перед самым пробуждением или в тот момент, когда заканчивалось действие снотворного. Впечатление было такое, словно стены его комнаты покрывались трещинами, из которых выползало некое существо, способное внушить Уихара столь сильное желание, что временами у него начинала кружиться голова. Как казалось самому Уихара, причиной этих приступов являлось не столько его либидо, сколько его отчаянное, дремучее одиночество. Уихара не стеснялся даже присутствия матери и мастурбировал так яростно, что иногда сдирает кожу на своем детородном органе. Раньше мать плакала и била его, а теперь просто смотрела на сына, уподобляясь натуралисту, рассматривающему какое-то диковинное насекомое. Но как бы то ни было, личность Йосико Сакагами не имела никакого отношения к этим приступам.

Серьезный интерес к Йосико Сакагами пробудился у него после передачи, в которой рассказывалось о колибациллезе толстой кишки. «Ученые пока не выяснили, что является причиной этого заболевания: вирус, бактерии или какой-то вид паразитов. Научные знания остаются крайне скудными, а болезнь тем временем продолжает распространяться. Небогатую информацию об этом феномене можно найти, в частности, в южнокорейской прессе, – вещал голос телеведущей. – В заключение я хочу отметить, что не было бы ничего удивительного, если бы при таких обстоятельствах данные виды патологий продолжали бы распространяться по всему миру... если уже не распространились».

Я не выхожу из дому и ни с кем не общаюсь без малого восемь лет. Вы, наверное, и не подозреваете, что существуют такие типы, как я. Это настоящие отшельники, никогда не выходящие на улицу. Впрочем, я сам о них ничего не знаю, да и не хочу знать вообще ни о ком.

Поэтому-то я и сижу взаперти. Быть может, если бы среди вас нашелся кто-нибудь, кому это было бы интересно, то я, со своей стороны, мог бы много чего порассказать. Короче, я готов поговорить о себе, и желательно с женщиной. На фиг мне мужики, я ж не гомик. Кроме того, я был бы очень счастлив, если бы мне что-нибудь написала Йосико Сакагами. Вы уж извините меня за резкость этого письма, но иначе я не умею...

Такой текст он набрал, когда ему пришла в голову мысль засветиться на форуме у Йосико Сакагами. Поскольку Уихара еще не освоился с клавиатурой, на это письмо у него ушло около трех часов. Он подписался «Раздолбай», нажал на клавишу ввода, и сообщение ушло. От дьявольского коктейля из антидепрессантов сильно болела голова. К тому же Уихара пришлось немного помучиться, чтобы скрыть свой электронный адрес. Страшно было подумать, какую реакцию на форуме могло вызвать подобное письмецо... Когда он нажимал на клавишу «Отправить сообщение», сердце прыгало в груди, словно лягушка. Голова трещала невыносимо. Уихара это напонило время его учебы в школе. Ему начало казаться, что воздух сгущается вокруг него и образует некое подобие стены из иголок. Он попытался поднять руку, и это ощущение усилилось. Страх и боль терзали его изнутри. И все же Уихара был рад, что смог отправить свое послание – он верил, что одна только Йосико Сакагами способна объяснить ему суть происходящего и лишь она одна сможет определить того зверя, который жил внутри него. Этого не сделал бы никто в мире, кроме нее.

Чуть погодя Уихара проверил, дошло ли его сообщение. Работая, он предпринимал поистине титанические усилия, чтобы не заорать от боли. «Компьютер – прекрасное средство общения», – думал он. Действительно, незачем скрывать свое лицо, да и физиономий читателей не видно... Когда-то ему никто не поверил, что главной причиной его ухода из школы был запах лосьона одного из учителей. Уихара не знал, как он назывался, но от свежесбрившей физиономии преподавателя несло какой-то тухлятиной, чем-то напоминавшей запах сгнившего апельсина. Тогда Уихара как-то не приходило в голову, что и другие ученики тоже могли страдать от этой вони. Обычно учитель останавливался около места, где сидел Уихара, и говорил ему всего три слова, которых тот не понимал. По утрам, лежа в постели, Уихара чувствовал страшную слабость во всем теле. От мысли, что опять придется выносить эту вонь, все его существо пронизывала боль... А вот на форуме не чувствуется никакого запаха. Авторы сообщений могли вонять как угодно – компьютер просто выводил на экран значки и буквы. Не нужно было напрягать слух, чтобы услышать голос собеседника, не нужно было говорить самому. Уихара было незачем проявлять свою индивидуальность – участники форума все равно ничего бы не увидели. Зато выражать свое мнение можно было любым способом.

Два дня на его сообщение не поступало никаких отзывов. Наконец на третий появился заголовок: «Это грешно!». Далее следовало:

У меня тоже есть приятель-отшельник. Вообще такой тип встречается довольно часто. В этом гнусном мире самоубийство – величайший грех, а отшельничество ничем не лучше самоубийства. Это абсолютное зло. Здесь, на этом форуме, больше в чести рассуждения о всяких там инспекциях в Ираке или споры о пересадке органов... Мне же кажется, что подобные проблемы должны скорее волновать государственных мужей, нежели простых смертных. Ну а твоя проблема?! Ну да, я думаю, что тебе паршиво. А кому сейчас легко? Мне тоже бывает хреново. Но боль бывает разной. Одно дело страдать оттого, что америкосы бомбят Сербию, а другое – когда кто-то из твоих близких находится в коме. Вот ты пишешь, что хочешь с кем-нибудь поговорить. Ну что ж, я дам тебе хороший совет: встань, оденься, выйди из своей каморки на улицу, познакомься с кем-нибудь и говори сколько влезет...

Неизвестный подписался «RNA». Грубоватый тон отзыва ничуть не обескуражил Уихара, и он решил ответить. Возможно, этот RNA что-нибудь знает о Йосико Сакагами. Уихара склонился над клавиатурой, и от неловкого движения боль иглой прошла его мозг. «Должно быть, – подумал он, – боль имеет свое материальное воплощение». Уихара представлял ее в виде какой-то мельчайшей частицы, которая вращается вокруг его головы и тела. Эта частица периодически жалила в самые неожиданные места, что напоминало боль от ожогов медузы или морского анемона. Уихара поморщился и принялся набирать ответ указательными пальцами.

Г-н / Г-жа RNA! Я очень признателен вам за ваш отзыв. Да, это пишу я, Раздолбай. Еще раз спасибо. Как и вы, я являюсь поклонником Йосико Сакагами. У меня к ней срочное дело. Главное затруднение вызывает тот факт, что я стесняюсь писать ей по указанному на сайте адресу. Понимаю, моя просьба может показаться вам невежливой, но дело в том, что мне очень нужно поговорить с ней как раз по поводу моей болезни. Не сообразовали ли вы указать мне другой адрес г-жи Сакагами? Еще раз дико извиняюсь, но это для меня очень важно.

Еще через два дня последовал ответ от RNA. Уихара чуть не подпрыгнул от радости – это было первое сообщение, адресованное лично ему. Кое-что из этого письма показалось ему немного странным.

Uehara wrote:

- ◆ Еще раз спасибо.
- ◆ У меня к ней срочной дело.
- ◆ Главное затруднение вызывает
- ◆ тот факт, что
- ◆ я стесняюсь писать ей
- ◆ по указанному
- ◆ на сайте адресу.

Думаю, твоя просьба выполнима. Единственное условие – мы удаляем сообщения, содержащие прямую критику в адрес г-жи Сакагами. Иногда на форуме появляется какая-нибудь мерзость, а ведь ведущая тележурнала – очень уязвимая фигура для подобных вещей. Здесь не встречается ни политических левацких прокламаций, ни либерального бреда – вот и переходят на личности. Ты наверняка знаешь, что японские пресса и телевидение начисто лишены какой бы то ни было критики – как следствие все сводится к рассуждениям о личной жизни. С каким парнем ее видели в баре, как, кто, с кем и когда... Одним словом, гнусность. Малейшая неосторожность – и некоторые готовы делать из мухи слона. А наш сайт еще пуще распаляет этих господ, ведь г-жа Сакагами у всех на виду. Конечно, проще всего было бы просто закрыть нашу страничку, но, видишь ли, Йосико Сакагами не из тех, кто пасует перед трудностями. Мы восхищаемся этой замечательной женщиной и были очень рады, что и ты разделяешь нашу точку зрения. Кстати, нам удалось раскодировать твой электронный адрес... Понимаешь, у нас хорошо разбираются в программировании. Есть даже настоящие хакеры, для которых не составляет труда вычислять всяких шизиков и дурачков, которых в Сети не меньше, чем в жизни. Нет-нет, мы тебе не угрожаем! Просто я говорю так, как есть. Это не блеф. Короче, на основе своего горького опыта мы пришли к выводу, что другой возможности оградить Йосико Сакагами от несправедливых нападков просто не существует. Разумеется, это не означает, что мы читаем все сообщения, которые приходят на сайт. Но, как бы то ни было, мы не потерпим ни малейших оскорблений в адрес г-жи Сакагами.

Прочитав это послание, Уихара здорово струхнул. Ему стало казаться, что он находится под чьим-то неусыпным наблюдением, и от такой мысли по его телу прошла дрожь. «Надо немного обождать и не влезать в Сеть», – решил он.

На следующий день к нему пришла мать.

– Ты не забыл, что на следующей неделе мы идем к врачу? – спросила она.

Уихара ничего не ответил. Мать вывела его на балкон и принялась убираться в комнатах.

Прямо перед домом, где жил Уихара, протекала узенькая речка. За ней виднелось игрушечных размеров кукурузное поле, стиснутое со всех сторон автостоянками. Вдали виднелись горы, начавшие обряжаться в осенние цвета. Но он не обращал на это великолепие никакого внимания – все время размышлял о Йосико Сакагами. Думал только о ней и о том, действительно ли эта необыкновенная женщина так сведуща в вопросах микробиологии.

Это снова я. Я понимаю, что г-жа Сакагами чрезвычайно занятой человек. Мне трудно даже представить, как ей удастся прочитать все эти сообщения, но тем не менее все же попробую изложить мою проблему.

Я никуда не выхожу и живу затворником. Ко мне приходят лишь мать и сестра. Ну, еще меня возят к врачу. Но даже с этими людьми я не разговариваю. И вот сегодня я решился доверить мою тайну г-же Сакагами. Я еще никому не рассказывал об этом, разве что своему психиатру, который посмеялся надо мной и посоветовал перестать маяться дурью.

Г-жа Сакагами, вы когда-нибудь видели, как умирает человек? Я не спрашиваю вас, видели ли вы смертельно больных или уже умерших. Я имею в виду смерть, которая происходит у вас на глазах.

Я видел. Я ходил тогда в третий класс. Я пытался забыть, но, как понимаете, это мне не удалось. Это был мой дедушка. У него был рак. Сначала он долго лежал в больнице. Потом мне рассказывали, что у стариков раковые клетки развиваются гораздо медленнее, чем у молодых. Кто знает, может, это и так... Я любил деда больше всех. Можно сказать, что, кроме него, у меня никого и не было. Он часто брал меня с собой на рыбалку. До океана было слишком далеко, так что мы ездили на реку к плотине или в верховья реки Кита, где горячие источники. Там водилось много форели. Я прекрасно помню, как по полям пробегал ветер и сдувал семена одуванчиков. Вообще я равнодушен к растениям и цветам, но одуванчики мне нравятся.

Незадолго до смерти дедушка стал стремительно худеть. Я ходил к нему в больницу чуть ли не каждый день и отчетливо видел, как прогрессирует его худоба. Сначала он лежал в общей палате с другими больными. Потом его перевели в комнату, где стояли всего три койки. В нос ему вставили какие-то прозрачные трубочки, все тело истыкали катетерами, поставили и капельницу. Мой брат называл эту палату «комнатой для живых мертвецов». Он-то шутил, но на самом деле это было очень меткое определение того помещения. Каждый раз, когда я входил туда, у меня начиналось сильнейшее сердцебиение. Конечно, никто так не говорил, но все понимали, что отсюда живыми уже не выходили. В общих палатах, где пациенты (главным образом раковые больные) могли общаться друг с другом и куда, если болезнь отступала, допускались родные и близкие, была невыносимая атмосфера. Вы, наверное, знаете, что это действует не лучшим образом на больных (и не только раковых). Ведь пациент должен до конца верить, что выздоровеет. А если ваш сосед, с которым вы еще вчера премило болтали, вдруг умирает, то вряд ли такое сильно прибавит вам оптимизма. Именно поэтому особо тяжелых больных помещают в специализированные палаты. Вот и дедушку определили в точно такую же.

Там всегда царил полумрак. В любой комнате есть более или менее освещенные места: где-то темнее, а где-то светлее. Но в дедушкиной палате полумрак распространялся равномерно, даже в самых отдаленных уголках. Это ощущение усиливалось оттого, что во всей комнате не было ничего, кроме трех кроватей, штативов с капельницами и аппаратов искусствен-

ного дыхания. Это была комната без теней. Родители говорили мне, что навещать каждый день в больницу необязательно, особенно теперь, когда дедушка лежит в отдельной палате. Но я все равно приходил. Дедушка все время лежал с закрытыми глазами и почти не просыпался. Он не разговаривал и, конечно, не вставал.

Больница была как раз посередине между моим домом и начальной школой. Хотя я был еще совсем маленьким, меня отпускали на улицу одного. Меня знали все медсестры и врачи – они и пускали меня в ту комнату. В муниципальных больницах вечно толчется масса народу. Дедушкина палата находилась на втором этаже, и лифт мне был ни к чему. Лестничные окна выходили в сад, и мне было прекрасно видно всех, кто там прогуливался. Я заметил, что в больницах люди ходят как будто по ковру из иголок. Они всегда чем-то обеспокоены, но на лицах никогда не увидишь высокомерного выражения. Никто не повышает голоса – люди приходят просить помощи. Все тихи и невозмутимы. Я поднимался по ступенькам и украдкой разглядывал идущих навстречу.

На втором этаже было три больших палаты и пять-шесть маленьких. Мне нравилось проходить мимо дверей общих палат, где лежало человек по пятнадцать. Все разговаривали очень тихо, почти шепотом. Глядя в раскрытые двери палат, я пришел к выводу, что болезнь – замечательная штука. Кто-то из родных гладил больного по спине, кто-то, с букетом цветов, склонялся над лежащим на постели и что-то тихо говорил ему на ухо. Я видел распростертых на койках страдальцев... В этих палатах царили покой и ясность... все казалось таким мирным. Поскольку телевизор смотреть было нельзя – это слишком утомляло глаза, – можно было различить слабый гул голосов, словно работал приглушенный радиоприемник. Везде чувствовался запах дезинфицирующего раствора. Пол был, кажется, светло-голубой, а стены выкрашены в металлический цвет. Дальше по коридору была дверь со светящейся надписью «Пожарный выход». А прямо напротив располагалась дедушкина палата. Я входил... и различал только дыхание трех донельзя исхудавших стариков. Мое сердце начинало колотиться часто-часто. Я смотрел на этих стариков, и простыни, что покрывали их до подбородка, чуть приподнимались в такт их дыханию. Иногда мне чудилось, будто это не люди, а только лишь белые покрывала. Я знал, что мой дедушка лежит на средней кровати, а иначе ни за что не отличил бы его от других – настолько все они были похожи. Их лица одинаково осунулись, глаза запали, и к тому же сходство усиливали торчащие из ноздрей трубки. Одно и то же лицо... В углу комнаты стоял букет цветов – с него даже не снимали обертки.

В детстве я очень любил праздник Хина-матури – родители надо мной даже подсмеивались. Когда на свет появилась моя сестренка, отец принес домой алтарь с куклами в семь ступеней. И как только наступал праздник, я часами просиживал рядом с этой подставкой и смотрел на кукол. Больше всего меня привлекало то, как ровно они были расставлены. Помоему, это главное достоинство праздника Хина. Так вот, три старика напоминали мне этих деревянных кукол.

Уихара тяжело и часто дышал, правая половина его головы горела огнем. Но, несмотря на это, он продолжал стучать по клавиатуре так, что уже не чувствовал пальцев. «Н-да, а ручкой вышло бы дольше», – думал он. Его мозг отупел, голова склонялась все ниже и ниже над экраном ноутбука. Уихара сам удивлялся, как он до сих пор не упал без чувств. После основательного курса лечения стимуляторами он сильно ослаб и проводил дни и ночи в почти полном оцепенении, прерываемом иногда острыми мигренями. Он жил как бы в полусне.

Уихара нажимал на клавиши своего компьютера и старался вспомнить, как выглядела палата, где умирал его дед. Каждое слово он набирал латиницей, а потом щелкал пробелом, и буквы превращались в иероглиф. Складывалось впечатление, словно он играл в конструктор «Лего» или превратился в крестьянина, высаживающего рис. Уихара начал свое письмо что-то около часа дня, а теперь часы показывали два ночи. В комнате было холодно и пусто – ни стола,

ни стульев, ничего, кроме кровати, магнитофона и телевизора. Уихара совсем позабыл, что на улице минусовая температура, и не включил обогрев, отчего в его клетушке в восемь татами смело можно было морозить волков. За весь день он съел только два бутерброда с арахисовым маслом и сейчас чувствовал адский голод. Он поежился, набросил на плечи одеяло, поправил компьютер и застучал дальше. Его губы посинели, колени тряслись, но Уихара уже ничего не замечал.

Люди, лежащие ровнехонько в ряд, и куклы-хина имеют много общего. Особенно это заметно в таких местах, как храмы, например в Киото или в Ангкоре, где многочисленные фигуры Будды выстроены друг напротив друга. Тоже самое и с куклами-хина. Когда смотришь на них, то обращаешь внимание не только на внешность трех фрейлин или императорских музыкантов. Значение имеет и их пол, и звание, и чин... Именно поэтому эти куклы всегда притягивают взгляд. На них смотришь часами и вдруг начинаешь различать мельчайшие черточки их характеров, начинаешь понимать, что в них общего и что отличает одну куклу от другой. Те старики, как и куклы-хина, в конце концов стали мне понятны: я распознавал их по характерам и видел то, что их всех объединяло – они были наполовину мертвы. Я ходил к ним каждый день, садился на табурет и смотрел. И никто из них ни разу так и не открыл глаз. Вы, наверное, сочтете меня за какого-то извращенца... не знаю... но когда я выходил из больницы на улицу и ощущал, как легкий ветерок ласкает мне щеки, в те минуты я понимал, что действительно живу. Именно живу, а не существую, как те трое стариков. Конечно, сказать про них «наполовину мертвые» – значит ничего не сказать. Я ежедневно наблюдал за умирающими людьми, я слышал, как булькает жидкость в их капельницах. Это напоминало шум падающих дождевых капелек перед грозой. Старики были такими худыми, что временами казались одинаковыми. И лица их тоже почти не отличались: скулы едва не прорывали кожу, глаза запали. У одного из носа торчала тонкая прозрачная трубочка, второму на лицо была надета кислородная маска, похожая на клюв. У каждого в руку была воткнута тончайшая игла, прикрепленная к длинной трубке от капельницы. Третьему вместо маски надели на шею бандаж, через который прямо в горло шла толстенная кишка, позволявшая ему дышать. Простыни, закрывавшие грудь, медленно приподнимались и опадали, и старики глухо кашляли... «Наполовину мертвые...» Точнее было бы считать всё это переплетение трубок и трубочек, кислородные маски, аппараты искусственного дыхания, экраны, мониторы, капельницы – всю эту хрень – единым новым живым организмом. Все трое были совершенно похожи, за исключением одного момента: способа дыхания. Впрочем, это пустяковая разница... Нет, они различались еще и по строению: у моего дедушки лицо выглядело более вытянутым, и шея была подлиннее. Зато у его соседа слева, с трубкой в горле, были черные волосы. Черные как уголь! Кроме того, иногда я замечал, что он слегка улыбается. Не знаю, может, ему что-нибудь снилось или он просто мечтал. Из всех троих он был самый тощий. Наверное, поэтому у него по всему лицу были рассыпаны маленькие пятнышки непонятного цвета.

Они сползали на грудь и были заметны даже на внутренней стороне предплечий. Это были не пигментные пятна и не гематомы, которые часто можно видеть у пожилых. Размером пятнышки были от ноготка младенца до десятииеновой монеты.

Сосед справа ничем особо не выделялся, разве что молочно-белым цветом своей кожи. Разумеется, солнечный свет в палату почти не проникал, но все равно кожа третьего старика была настолько белой, что он напоминал китайскую фарфоровую вазу, которую я видел в Национальном музее в парке Уэно. Казалось, что несчастного старика кто-то аккуратно покрыл тонким слоем белил. Сквозь полупрозрачную кожу виднелись сине-красные вены, особенно хорошо заметные на подбородке и предплечьях. Время от времени я подсаживался поближе, чтобы полюбоваться этими венами. По цвету они напоминали растворенную в воде гуашь и образовывали на поверхности кожи причудливые узоры.

В тот день я в очередной раз подошел посмотреть на его вены и в ту же минуту увидел червя. Свет, падавший из окна, освещал только середину комнаты... Я стал разглядывать вену на шее старика – она пульсировала чаще остальных – и вдруг краем глаза заметил нечто. Сначала подумал, что это всего лишь тень от какой-нибудь трубочки. Но это была не тень... во всяком случае, я пригляделся получше, и тут мне стало не по себе. Я знал, что иногда легкие пластиковые трубки могут произвольно шевелиться, например, от вдоха или выдоха. Мне показалось, что я вижу покачивающегося на ниточке паука... Нечто вытекало из ноздри старика и извивалось, словно тонюсенькая змейка. «Может, сопля?» – подумал я. Сопля была похожа на тонкую серую нить, на какое-то длиннотелое животное... или насекомое... Оно вылезало из носа все больше и больше – его тело оказалось разделено на многочисленные сегменты, которые растягивались и сокращались. Я сидел как прикованный, я не мог ни выскочить из палаты, ни даже крикнуть – как будто кто-то зажал мне рот и с силой надавил при этом на плечи. Червяк все выползал и выползал и вился уже на губах старика. Иногда он приподнимался над кожным покровом и тогда становился похож на змею или слизняка... хотя у него и не было головы. Он был не толще волоса, но тем не менее я отчетливо видел места его сочленений, похожие на складки между фалангами пальцев человека. Я был настолько поглощен разглядыванием дикийинного червя, что даже не заметил, как старик перестал дышать. Червяк сполз по его губам, миновал возвышение, которое образовывал подбородок, и устремился вниз по шее. Потом я увидел, как он приподнял переднюю часть своего туловища и в мгновение ока оказался уже у меня на ладони! Он прополз по моей руке и стал подниматься к лицу. Я пораился длине этого чудовища: его задняя часть еще только вылезала из ноздри мертвого старика, а он уже миновал мой нос и стал проникать, втягиваясь, в меня через глазницу. Как ни странно, но я не почувствовал никакой боли... Я сидел и наблюдал, как эта серая нить переползает от трупа ко мне. Когда он коснулся моего глаза, я на какое-то время перестал видеть. Червяк висел в пространстве между нами, образуя некое подобие моста. Я несколько раз провел рукой по лицу, словно обрывая прилипшую паутину, но безрезультатно. Скорее я делал это инстинктивно... Вдруг червяк разделился надвое, и та его часть, что впивалась мне в глаз, секунду болталась в воздухе, а затем исчезла у меня под веком. Повторяю, у меня не было никаких неприятных ощущений. Вторая половина червя еще продолжала извиваться, хотя и не так резво, как раньше. В ту же минуту в палату вошли две медсестры, и я вылетел вон. А червяк так и остался извиваться на теле умершего старика.

После этого случая я больше не ходил в больницу. Я пришел туда только один раз – когда умер мой дедушка. Я так боялся, что и из его носа на меня прыгнет червяк... Вот, собственно, и весь мой секрет. Я рассказал об этом своему психиатру, но он рассмеялся и ответил, что это обычная галлюцинация, какая часто случается у маленьких детей. И еще он посоветовал мне поскорее забыть про этого червя... Больше я ни с кем не делился воспоминаниями.

Впрочем, мне не кажется, что именно из-за этого червяка я бросил школу и затворился от мира. Мало того, я даже думаю, что этот червяк не мог послужить непосредственной причиной смерти того старика. Старик достаточно пожил и был уже в весьма преклонном возрасте – вряд ли червяк убил его.

В школьной библиотеке я прочитал все, что возможно, о паразитах, но об этом черве нигде не было ни строчки. Ни в книгах, ни в фондах Музея естественных наук я не нашел ничего подобного.

Г-жа Сакагами, если вам что-то известно об этом феномене, я был бы бесконечно признателен, если бы вы сообщили мне хоть какую-нибудь информацию.

Когда Уихара закончил, за окном уже начало светать. Он почувствовал, что еще одна минута, и он откажется от этой затеи с письмом Йосико Сакагами. Поэтому он поскорее нажал на опцию «Прикрепить файл» и щелкнул по клавише ввода. Душа его была совершенно опусто-

шена. Спать не хотелось. Уихара уже начал раскаиваться в своей поспешности: Йосико Сакагами наверняка сочтет его сумасшедшим и поднимет на смех. Но в то же время он ощущал некоторое удовлетворение – наконец-то ему удалось высказаться! Его трясло как в лихорадке. Уихара взялся за градусник и обомлел: тот показывал чуть выше тридцати восьми. Он быстро проглотил несколько таблеток из тех, что прописал психиатр, но сон все равно не шел. «А не выйти ли на улицу? – вдруг подумал Уихара. – Да, на улицу. Наружу...» Эта мысль захватила его мгновенно, без предварительного обдумывания. Как будто она хранилась где-то глубоко в мозгу и дожидалась того часа, когда Уихара наконец выразит желание пойти прогуляться. Он не стал долго размышлять над этой загадкой – какая разница, внушила ли эту мысль чья-то неведомая воля и стоит ли сопротивляться ей?

Он выключил ноутбук, положил его на кровать и стал разыскивать свою одежду. Он уже забыл, где последний раз видел ее – обычно его одевала мать. Он нашел толстовку с надписью «Орlando Мэдджикс» и натянул ее поверх пижамы. Оставалось найти ботинки.

Часы показывали начало шестого утра. Из приоткрытой форточки тянуло холодом. Уихара так и не включил обогреватель и теперь основательно замерз. Без обуви нечего было и думать тащиться на улицу. Он отворил шкаф и вывалил на пол все его содержимое – ничего, что напоминало бы пару ботинок. Из головы Уихара совершенно вытравилось всякое воспоминание о процессе одевания. Он не помнил даже, когда последний раз выходил из квартиры. Раз в две-три недели мать отвозила его в больницу, но он не помнил и этого. Ничего – ни мыслей, ни ощущений... Впрочем, это немудрено: в больницу его возили в почти бессознательном состоянии.

– А, к черту ботинки! – пробормотал Уихара и прошел в ванную.

Он поднял взгляд и уставился на свое изображение в зеркале: когда в последний раз он смотрел на себя? Должно быть, несколько лет тому назад. Зеркало висело прямо над раковиной, и не заметить своего отражения было невозможно. Перед зеркалом он ежедневно умывался и чистил зубы, но, вероятно, не осознавал этого. Нельзя сказать, что ему было противно собственное отражение или что он боялся смотреть себе в глаза – он просто не видел зеркала.

Некоторое время он разглядывал свою одутловатую физиономию. От лекарств и однообразной пищи его кожа приобрела гнусный мертвенно-бледный оттенок. Он вспомнил, что стоит босой, и вдруг прыснул:

– Нет, вы только посмотрите на эту рожу! Меня ж примут за дебила!

Он не смеялся с того самого момента, как поселился в этой квартире.

В прихожей он обнаружил кроссовки и несколько минут сосредоточенно пытался, пытаясь завязать шнурки.

– А куда же я пойду? – спросил он сам себя. – Ладно, на первый раз достаточно пройтись вокруг дома.

Он снял с гвоздика свою куртку и толкнул дверь.

Ночь отступала. Небо на востоке стремительно розовело, холодный воздух обжигал легкие. Уихара наслаждался, чувствуя его ледяное дыхание. Глядя на речную гладь, в которой уже играли светлые блики, он захотел выпить пива. В кармане его куртки звенело несколько монеток по сто иен, тех, что он подобрал в обувной коробке в коридоре. За последние восемь лет он ни разу не испытывал желания что-нибудь купить даже в уличном автомате. А уж о пиве или еще чем-нибудь подобном у него и мысли не возникало. Тем более что врач строго-настрого запретил ему алкоголь. Правда, в глубине души Уихара плевать хотел на врача со всеми его запретами и предписаниями.

Около автомата он столкнулся сразу с тремя людьми: с молочником на велосипеде и двумя молоденькими девушками. Девушки, судя по всему, спешили на работу. Уихара тотчас же опустил голову и отвел взгляд, но все же успел заметить выражение ужаса на их лицах. Девушки, наверное, приняли его за бродягу и чуть было не бросились бежать. Во всяком слу-

чае, они никак не выказали стремления поближе познакомиться с эдаким привидением с длинными спутанными волосами, которые закрывали плечи и обрамляли распухшую рожу. «Я б их всех поубивал, честное слово», – подумал Уихара, опуская монетки в щель автомата. Он попытался вообразить, как он убивает сначала молочника, а потом и этих девиц. Ему показалось, что сейчас как раз самое время испытать свой «стенган» и газовый баллончик, которые купил по случаю и хранил до сих пор под кроватью. Или нет, лучше бейсбольной битой, как в фильмах с Робертом Де Ниро. Правда, вот незадача – всю одежду изгадит кровью. Уихара явственно ощутил, как бита, чуть подрагивая в его руках, отскакивает от черепа одной из девушек и у него по спине бегут мурашки. Он вспомнил, как когда-то давно отец пару раз водил его в клуб единоборств. Если удар хорошо поставлен, то расколоть человеческую голову – раз плюнуть. Бейсбольные биты все-таки слабоваты для такого дела. Учитель в школе рассказывал, что человеческий мозг напоминает желе или заварной крем и поэтому надежно укрыт в костяном ящике. «А внутри черепа, – продолжал учитель, – он плавает, словно кусочек тофу на блюде».

Уихара стоял перед автоматом с банкой пива в руке и все размышлял, сколько силы нужно приложить, чтобы разбить человеку голову. Интересно, а как из расколотого черепа вытекают мозги? И какой у них цвет?

Уихара открыл банку и глотнул от души. От пива у него немедленно закружилась голова, да так, что пришлось лечь. Снотворное никак не действовало на него. Уихара сел на краю постели и снова водрузил себе на колени ноутбук. Машина пискнула и показала новое сообщение.

Uehara wrote:

- ◆ В школьной библиотеке я прочитал все,
- ◆ что возможно, о паразитах,
- ◆ но об этом черве нигде не было ни строчки.
- ◆ Ни в книгах, ни в фондах Музея
- ◆ естественных наук я не нашел
- ◆ ничего подобного.
- ◆ Г-жа Сакагами, если вам что-то известно...

Да, такой паразит действительно существует. Он называется хослокатерия. Его открыли два ученых-паразитолога во Франции и в Соединенных Штатах где-то в конце семидесятых. Однако их открытие было почти сразу же опровергнуто. Этого червя считали азиатской разновидностью бенкей-муси или энкейбенкей-муси. Научных данных почти нет.

Я один из тех, кто разбирает корреспонденцию, поступающую в адрес г-жи Сакагами. Пожалуйста, не думайте, что мы представляем собой некий цензурный комитет и у нас нет никаких систем фильтрации сообщений, и уж тем более никакого LD. Мы обращаем внимание только на оскорбительные послания или на те, что могут заинтересовать Йосико Сакагами. Меня зовут Ватанаби, и я состою в организации под названием «Интер-Био».

По неподтвержденным сведениям, экскременты этого червя (на самом деле это не червь, но для удобства я буду называть его именно так) представляют собой химическое соединение, способное провоцировать у носителя девиантное поведение. Может, это ваш случай? Не испытывали ли вы желания убить кого-нибудь, не случались ли с вами припадки немотивированной ярости? Нашу организацию весьма заинтересовало ваше письмо. Надеемся, что вы свяжетесь с нами по указанному адресу... если, конечно, вам будет угодно.

Кстати, Йосико Сакагами также является членом «Интер-Био».

II

Прочитав сообщение, Уихара едва не подпрыгнул от радости. Сердце его готово было вырваться из груди, горло сжал спазм. В пустом желудке плескалось пиво. Он был так ошеломлен, что почти ничего не понял из прочитанного. Залпом прикончив банку, он перечитал текст еще раз. Внизу стояла подпись: «Ватанаби».

Больше всего его поразили слова о том, что такой паразит – хослокатерия – действительно существует и еще – «сообщения, которые могут заинтересовать г-жу Сакагами». Остальное оставалось пока не вполне ясным. В целом письмо обрадовало Уихара, однако ему показалось подозрительным, что электронный адрес этого Ватанаби красовался в самом заголовке сообщения. Должно быть, у этой Йосико Сакагами внушительная свита. Первое сообщение было подписано аббревиатурой RNA, хотя он направлял письмо на ее личный адрес. Получалось так, что каждый раз ему отвечали разные люди.

«С этими знаменитостями всегда так, – усмехнулся про себя Уихара. – Иначе и быть не может». Он привык утешать себя собственными размышлениями.

В восьмилетнем возрасте им неожиданно овладел бес самоуничтожения. Уихара не мог заставить себя подняться с постели – при малейших попытках ему становилось невыносимо больно. Денно и ночью он думал только об одном: что делать, если окажется обречен на жалкое, ничтожное существование. Лежание, во всяком случае, немного облегчало страдания, особенно в тот период, когда он бросил учебу.

Обычно Уихара закрывал глаза и представлял себе глубокую яму. Он пытался вообразить ее очертания, горы выброшенного грунта, землекопов, их лица и одежду... Он мог сказать, что происходит вокруг этой ямы и какое стоит время года. Колочая проволока... ледяная равнина, мерзлая земля... Вдалеке, на юру, чуть виднеется березовая рощица... Железная дорога... По другую сторону – снега, снега и снега, на сколько хватает глаз. И никто не знал, зачем копают эту яму.

Уихара подходил к самому краю и бросал туда всех, кого считал виновным в той ненависти, что он испытывал к самому себе, – отца, мать, сестру, брата, школьных товарищей и учителей. Он скручивал им руки, завязывал глаза и подводил по очереди к темнеющей пропасти. Он говорил им только: «Все нормально, без паники» – и легонько толкал в пустоту. А потом прислушивался, стараясь уловить звук упавшего тела. Как только в яму отправлялся последний приятель, Уихара хватался за лопату. Иногда из темноты доносились стоны и рыдания, какие-то нечленораздельные вопли. Забросать яму-могилу землей было совсем несложно. Наконец Уихара утомлялся, веки его слипались, и он засыпал, подсчитывая, сколько мерзлого грунта он перебросал на этот раз.

По утрам мать кричала на него, а он плакал и отказывался одеваться. Отец с перекошенным от гнева лицом стоял рядом и осыпал его проклятиями. Уихара всегда изумлялся: как же так, ведь он всех их побросал накануне в яму?

В конце концов сон сжалился над ним. Уихара повернулся на бок и закрыл глаза. Завтра он напишет ответ этому Ватанаби. Но перед тем как заснуть окончательно, Уихара не смог удержаться и представил, как сталкивает Ватанаби в яму. Тот почему-то был в очках с толстыми линзами и носил белую тогу.

Г-н Ватанаби, спасибо вам за отзыв. Признаться, я поражен быстротой, с которой вы ответили мне. Дело в том, что я совсем недавно приобрел компьютер и еще не успел освоиться с клавиатурой, поэтому даже коротенькое сообщение отнимает у меня уйму времени. А вы, судя по всему, отнюдь не новичок в этом деле. Но я надеюсь, что скоро смогу вас догнать...

Уихара сидел на кровати и перечитывал написанное, отпивая молоко прямо из пакета. Он проспал всего три часа и чувствовал себя больным и разбитым. В животе творилась настоящая революция, но, что самое удивительное, ему хотелось есть. Обычно он спал не менее десяти часов в сутки, и то только после приема снотворного, а наутро чувствовал себя крайне паршиво. Встать с постели было для него настоящей пыткой, а уж о еде речи и вовсе не шло.

Я еще мало знаком с Интернетом, и многое в нем мне не совсем понятно. Я не понимаю, что такое LD... Мне хотелось бы порасспросить вас о многих вещах, но главное, что меня интересует, – это паразиты. Я очень удивился, узнав, что этот червь существует на самом деле. Но относится ли он к классу паразитов? А может, это какая-то разновидность вируса? Честно говоря, я не знаю, в чем заключается различие между паразитами, вирусами и бактериями. Неужели все дело в размерах? Г-н Ватанаби, вы, наверное, сочтете меня полным неучем, но, видите ли, я живу совсем один. На улицу не выхожу, так что у меня нет возможности посещать библиотеку. Я не знаю много чего, и вы бы оказали мне неоценимую услугу, если бы просветили меня кое в чем.

Скрючившись над своим ноутбуком, Уихара медленно набирал текст. На какие-то четыреста знаков ему потребовалось около трех часов.

Он сомневался, упоминать ему или не упоминать Йосико Сакагами? В конце концов, его интересовала не столько она сама, сколько то, что она говорила тогда по телевизору о паразитах, живущих в толстой кишке. Теперь ему казалось, что его интерес к ней именно как к женщине возник только сейчас, когда он смог подобраться поближе, хотя бы и через Интернет.

Паразиты занимали Уихара уже давно. Еще в школе он пытался побольше разузнать про них, но ничего не достиг. А услышав однажды передачу Йосико Сакагами, он вдруг подумал, что она несомненно должна что-то знать об этом, и уже не мог забыть ее. Тот факт, что ему отвечал каждый раз кто-то другой, немного разочаровал Уихара. Но все же это было уже что-то. Теперь он точно знал, что червь существует. Хослокатерия... Больше всего его обрадовало, что этот червь может вызывать неконтролируемые вспышки агрессии.

Ничего себе словечки употреблял этот Ватанаби! «Химическая субстанция, способная провоцировать у носителя девиантное поведение». Уихара так до конца и не понял, что это должно было означать. То, что он рехнулся, что ли? «Не испытывали ли вы желания убить кого-нибудь, не случались ли с вами припадки немотивированной ярости?...» – спрашивал Ватанаби. Уихара перечитал эту фразу раз десять.

– Ну разумеется! – воскликнул он, потеряв терпение.

Уихара не раз бил собственную мать. Обычно это происходило дома, и тогда по комнате летали тарелки и предметы мебели. Стоило ему выйти на улицу, как он начинал испытывать раздражение от вида случайных прохожих, шофера такси, доктора... Да нет, не мог же, в самом деле, какой-то червяк возбуждать в нем желание убивать! Вот и сегодня утром та же история – не успел отойти от дома, как у него возникло желание раскрошить бейсбольной битой черепа двум девушкам и молочнику. Он давно не испытывал такого сильного искушения. Хорошо, что биты под рукой не оказалось... Уихара все еще ощущал ее рукоятку в своей ладони. Так в чем же причина этой ненависти к людям? Он закрывал глаза и видел раздробленные головы и переломанные кости. Какая-то дикая сила сидела у него внутри – Уихара как никогда ощущал ее присутствие.

Несмотря на бессонницу, он чувствовал себя достаточно хорошо. Уихара уселся на кровати и поставил компьютер себе на колени. Он понимал только одно: теперь он свободен и может делать все что угодно. Так какого же черта стесняется прямо спросить о Йосико Сакагами?

...Я хотел бы попросить вас об одном одолжении. Вы писали, что Йосико Сакагами также прочитала мое письмо. К тому же вы говорите, что не стали бы пересылать ей сообщение, которое было бы неинтересным. Я хотел бы знать, какую реакцию вызвало письмо у г-жи Сакагами? Уверяю, я испытываю к этой женщине глубочайшее уважение. Для меня очень важно ее мнение, и я был бы счастлив получить от нее хотя бы коротенькую записку в несколько слов. Конечно, если это не составит для нее большого труда. Я плохо представляю, как такой занятой человек, как г-жа Сакагами, может уделять внимание чьим-то запискам. Но даже одноединственное ее слово, несомненно, придало бы мне бодрости духа. Заранее благодарен.

Уихара закончил свое послание к двум часам дня. Безумно хотелось есть. Но холодильник был почти пуст: пирожки, немного капусты, пачка масла и ветчина в упаковке. В кухонном шкафу он нашел несколько коробок с лапшой, но все это было не то. Уихара и сам точно не знал, чего ему хочется.

С того момента, как проснулся, прошло уже пять часов. «Черт, я же забыл принять таблетки! А вечером я их принимал или не принимал? – размышлял Уихара, вертя в руках красно-белую упаковку. – А могут ли антидепрессанты подействовать на этого червя? Надо будет спросить». Но, как бы то ни было, все равно придется перетерпеть в магазин. Правда, теперь Уихара не боялся выходить один.

Уихара жил на самой границе префектур Токио и Сайтама, в двух минутах ходьбы от дома родителей. Выйдя на воздух, он огляделся. Привычная картина: речка, кукурузное поле и автостоянки. Уихара никогда не интересовался машинами. На ветру шелестели и хлопали разноцветные рекламные плакаты и флажки, и это чем-то напоминало школьную ярмарку. От реки тянуло холодом. Кукуруза была уже убрана, и голые стебли никли под ледяными порывами. Одним словом, это было обычное предместье, где не встретишь ни больших магазинов, ни небоскребов. Уихара пересек дорогу и вышел на набережную. Река в этом месте сильно суживалась и имела в ширину не более трех метров. Здесь постоянно чем-то подванивало – на противоположном берегу работал небольшой завод. Мать Уихара то и дело говорила ему: «Если предприятие не закроют, скоро вся эта гадость завалит оба берега и вконец отравит воду». То же говорил и старший брат – мать все повторяла за ним. Она копировала даже его интонации и голос...

Некоторые здания завода служили складами для какой-то строительной фирмы. Дальше простирались поля, но что на них возделывают, Уихара не знал. Кое-где уже появились новые дома и даже частные коттеджи. Он шагнул на лестницу, которая проходила вдоль всего фасада здания – на нее можно было выйти из любой квартиры. В качестве защиты от ветра вдоль лестницы были укреплены большие листы гофрированного пластика. Уихара миновал автостоянку и вышел на старое шоссе.

Старое шоссе служило объездной трассой для большегрузных автомобилей, и прохожих на нем было очень мало. «Если ты когда-нибудь начнешь выходить из дома, – говорила мать, – смотри не попади под грузовик!» С того момента, как он поселился здесь, под колеса попали два старика. В память о погибших на краю дороги возвышался столб с табличкой. У подножия столба стояла молочная бутылка с увядшими цветами. Действительно, здесь было довольно опасно – проезжавшие грузовики едва не задевали своими бортами прохожих и окутывали их облаками вонючих газов.

Уихара перебежал шоссе и направился к магазину.

Уихара захотелось съесть онигири и выпить бутылочку «Колы-лайт». Выбирая себе рисовые шарики, он вспомнил, что произошло с ним здесь четыре года назад. «Кошмар!»

Был теплый летний денек. Уихара только зашел в магазин, как сразу заметил на своей футболке «Тайгер Вудс» огромное бурое пятно то ли от кетчупа, то ли от соуса. Наверное, он поставил его во время еды. Пятно было совсем свежее и еще распространяло слабый запах.

Размером оно было не меньше десятииеновой монеты – придется потрудиться, чтобы его вывести. Уихара с ужасом подумал, что в таком виде предстанет перед продавцом. Побледневший, он двинулся вдоль прилавков. Покупать уже ничего не хотелось, но, решил Уихара, может показаться подозрительным, если он выйдет из магазина, так ничего и не взяв. От волнения у него пересохло в горле и стало трудно дышать. Тогда он взял первый попавшийся альбом комиксов Манга и, ни жив ни мертв, направился к кассе. К тому моменту он довел себя до такого состояния, что, увидев продавца, едва не грохнулся в обморок...

Уихара положил в корзину несколько онигири и вдруг подумал: «А теперь-то все совсем по-другому». Неприятные воспоминания показались ему сущим вздором. Уихара ощущал необычайный прилив внутренней энергии – совсем неплохо для первого раза.

Перед тем как подойти к кассе, он посмотрел на себя в выпуклое обзорное зеркало, прикрепленное к потолку. Бледное, опухшее лицо, нездоровый цвет кожи, сальные волосы. К груди, у самого ворота, налипли какие-то перышки и хлебные крошки. «М-да, вряд ли кто на такого польстится!» – усмехнулся Уихара, оглядывая себя с головы до ног. Без малейшего колебания он подошел к кассе и протянул деньги сидевшей там барышне. Барышня бросила на него суровый взгляд, но Уихара уже было все равно. «Ничего-то ты не знаешь, детка, – подумал он, глядя ей прямо в глаза. – Ничего! А ведь во мне сидит такое... дерьмо, от которого я иногда становлюсь очень злым, детка. Нет, ты ничего не понимаешь. Ну скажи мне что-нибудь, детка! А я разобью тебе голову...»

Выйдя из магазина, у самой ограды автостоянки Уихара заметил телефон-автомат и скамеечку. Было тепло, выглянуло солнце, и он решил присесть и съесть свои онигири прямо тут. Это было тихое местечко – не было слышно даже рева грузовиков с шоссе. Щебетали какие-то птички, но, сколько ни вертел головой, ни одной он так и не увидел.

Уихара сорвал обертку с первого онигири с лососем и с наслаждением откусил. Он доедал уже последний – со сливами, когда к нему подошла, едва волоча ноги, незнакомая старуха. На ней было сиреневого цвета пальто, а в одной руке она держала зонт, хотя дождя вроде бы не ожидалось. В другой старуха несла большую прозрачную пластиковую сумку, с какими ходят на пляж. Старуха дотащилась до скамейки и села рядом с Уихара. Перед тем как сесть, она спросила разрешения, но таким голосом, словно всю жизнь командовала военным кораблем. Ее прическа была растрепана, сухие спутанные волосы закрывали лоб. Старуха была в черных чулках, которые придавали ей странный и легкомысленный вид. Впрочем, она была ненамного старше его матери... Одна нога у нее сильно раздулась в районе лодыжки. Опухоль напозала на подъем, отчего одна нога казалась шире другой раза в два. Икры были покрыты густыми черными волосами, а под кожей проступили синие и красные сосуды. Нога едва помещалась в туфле-лодочке. Уихара с отвращением заметил, что красная туфелька вот-вот лопнет в нескольких местах. Пока он вспоминал название этой болезни, женщина вдруг открыла рот и заговорила, обращаясь к воображаемому собеседнику:

– Ну о чем ты говоришь! Такая уж наша жизнь!..

Уихара вздрогнул и украдкой посмотрел на свою соседку. Нет, она разговаривала не с ним.

– Однако большинство людей так не считает, ты же знаешь!

Волосы лезли ей в глаза, и женщина трянула головой. Уихара понял, что она беседует с кем-то из своих родственников или друзей.

– Я, конечно, понимаю, но все-таки внешний вид... это, знаешь ли, тоже имеет значение. И немалое!

– Но я-то что могу?

– Ну а как же? Что бы ты ни делал, люди всегда будут составлять о тебе свое мнение. И прежде всего будут основываться на твоей внешности.

– Тебе надо просто следить за собой. Да-да, попробуй, это нетрудно. Посмотри, видишь, как она выглядит?

– В конце концов, сходи в парикмахерскую... Сделай же что-нибудь, ведь нельзя же выходить из дома в таком виде!..

– Мне кажется, она понимает кое-что...

– Несомненно.

– Конечно, ее ноге п...ец. Ну и что ей теперь делать?

– Но это, кажется, не оттого, что она не следит за собой?

– Да нет, это оттого, что в ее организме много кальция. Поэтому ее и раздувает в разных местах... Это очень неприятно и больно к тому же. Ей очень плохо, гораздо хуже, чем она думает. Она не пьет ни капли молока. А если выпьет по ошибке, то знаешь, что с ней будет?

Женщина продолжала говорить, поглаживая свою больную ногу. Неожиданно она всем телом повернулась к Уихара, как будто только что заметила его присутствие.

– А ты знаком с сыном Такаги, которого арестовала полиция за то, что он убивал кроликов?

Уихара не понял, обращается ли она к нему или продолжает свой безумный монолог, и ничего не ответил. Наконец старуха отвела от него взгляд и разразилась хохотом. Смех ее был нехороший, каркающий – словно приступ кашля. Уихара охотно проломил бы ей голову битой.

Потом старуха минут на двадцать исчезла в магазине. Прямо на крыльце она вытряхнула из сумки свои покупки наземь и стала сверять по чеку их количество. Уихара разглядел три коробки кошачьего корма, упаковку с маринованными овощами, шестивольтовую батарейку, лампочку, хлеб и сахар. Закончив подсчет, старуха бросила чек под ноги. Он вдруг решил проследить, куда она направится дальше.

Старуха пошла вдоль набережной по направлению к станции. Она шла по узенькой тропинке мимо цветочных ящичков. Из-за холодов цветы опали и засохли. Здесь река расширялась, и Уихара увидел детскую площадку, такую маленькую, что на ней не уместилось бы и трех детей. Площадка эта и называлась-то детской только из-за песочницы да качелей. Песочница по краям была украшена пластмассовыми зверушками – где белым кроликом, где розовым поросенком. Детей нигде не было видно.

До ближайшей станции предстояло еще идти и идти. Железнодорожная ветка принадлежала частной компании, и поезда здесь ходили не чаще двух-трех раз в час. Дачники не очень жаловали эти места – отсюда было слишком далеко до деловых районов Токио, – но все же за время экономического кризиса цены на землю заметно выросли. Строительные компании начали возводить здания, появились новые жилые кварталы, но многие из них оставались и по сей день незаселенными – район был еще плохо обустроен. Кое-где попадались недостроенные, брошенные дома. Даже родителям Уихара (людям совсем небогатым) без труда удалось найти здесь недорогую квартиру для сына. На отшибе располагалась фабрика звукоизоляционных материалов, на которой в лучшие времена трудилось до двухсот человек. Но теперь ее цеха пустовали уже с полгода.

Старуха передвигалась очень медленно, и именно поэтому преследовать ее оказалось делом не из легких. Уихара приходилось сдерживать шаг, чтобы не обогнать ее. Будь это место чуть более оживленным, они оба представляли бы весьма забавную картину. Но ни на этом, ни на противоположном берегу реки, кроме них, не было ни одного человека. И только со старого шоссе доносился однообразный гул моторов.

Нельзя сказать, что старуха слишком уж выделялась своим нарядом. Район был заселен людьми с небольшим достатком и пенсионерами. Уихара слышал, что где-то здесь живут

стриптизерши из ночных баров, преимущественно китайки. Эти девицы подрабатывали и в качестве проституток в веселом квартале, располагавшемся в пяти остановках отсюда.

Только сейчас он заметил, что женщина идет не прямо, как нормальный человек, а выписывает зигзаги. Дело было даже не в ее больной ноге. Тропинка шириной в метр была посыпана гравием, а по краям выложена кирпичами. Старуха касалась ногой кирпича справа и сразу же делала шаг влево, чтобы дотронуться до противоположного. Из-за этого шаг ее замедлялся еще больше. Глядя на ее выкрутасы, Уихара подумал, что женщина наверняка страдает какой-нибудь формой умственного расстройства. Ему случалось видеть сумасшедших в психиатрической лечебнице, куда возила его мать. Доктор грозился и его запереть в этой дыре, если он не будет соблюдать предписанный режим и глотать всякую гадость. Вероятно, это составляло основу медицинского искусства бравого эскулапа... В больничном садике Уихара видел, как несчастные больные слоняются по дорожкам, совершая точно такие же движения, как и эта старуха. Сад был большой и представлял собой один сплошной газон. Кое-где из земли поднимались пальмочки с узкими и острыми листьями, такие зеленые, как на открытках из тропических стран. Среди этих пальмочек и ходили сумасшедшие: шаг влево, шаг вправо. Издали это напоминало какой-то идиотский слалом. Впрочем, больные держались прямо и не теряли достоинства.

Эта старуха выглядела точно так же. Она смотрела перед собой и ни разу не повернула головы. Перед ней на тропинку выскочило трое детей. Старуха не обратила на них ни малейшего внимания. Дети побежали дальше, по направлению к песочнице и качелям. Вслед за ними на велосипедах появились и мамы, что-то кричавшие своим отпрыскам вдогонку. Старуха продолжала идти, будто не замечая их, и женщины были вынуждены соскочить на землю и убрать велосипеды с тропинки. Уихара посторонился, пропустил их, и дамы в ответ благодарно закивали. Они покатали дальше, оставив после себя тонкий аромат духов. Уихара расслышал, как одна из мамаш бросила что-то вроде: «Чтоб ты сдохла, старая ведьма!», а остальные звонко рассмеялись.

Старуха свернула с тропинки направо и пошла по улочке, с одной стороны которой находился питейный дом, а с другой расстилались поля, засаженные китайской капустой. Улочка была такая узкая, что два автомобиля не смогли бы разъехаться. Потом поля кончились и показались какие-то мрачные деревянные строения и ветхие лачуги. Старуха повернула налево в тупичок, оканчивавшийся чем-то вроде площадки. Там, посреди луж, лепились друг к дружке три убогих щитовых домика. «Старая ведьма» вошла в один из них.

Uehara wrote:

- ◆ еще не успел освоиться с клавиатурой,
- ◆ поэтому даже коротенькое сообщение
- ◆ отнимает у меня уйму времени.
- ◆ Но я надеюсь, что скоро
- ◆ смогу вас догнать...

Добрый день, это Ватанаби.

Вам нечего стыдиться.

В конце концов, с этого начинается каждый.

- ◆ Я еще мало знаком с
- ◆ Интернетом и не понимаю,
- ◆ что такое LD.

LD – это программа, позволяющая управлять и отслеживать сообщения, которыми обмениваются пользователи внутри своей группы. Например, если кто-нибудь из них пошлет письмо хотя бы одному из членов группы, то это письмо получат и все остальные члены.

- ◆ главное, что меня интересует,
- ◆ это паразиты. Я очень удивился,
- ◆ узнав, что этот червь существует на самом деле.
- ◆ Но относится ли он к классу паразитов? А может,
- ◆ это какая-то разновидность вируса?
- ◆ Честно говоря, я не знаю, в чем заключается
- ◆ различие между паразитами, вирусами и бактериями.

Несомненно, этот червь относится к паразитам, хотя мы почти ничего о нем не знаем. Этот паразит относится к многоклеточным, его научное наименование – эндопаразиты. Бактерия относится к классу одноклеточных, и она не способна размножаться делением клеток. Что же касается вирусов, то они состоят лишь из молекул ДНК и оболочки. Как видите, тут нет ничего сложного.

- ◆ Вы писали, что Йосико
- ◆ Сакагами также прочитала
- ◆ мое письмо.

Йосико Сакагами прочитала ваше сообщение. Оно глубоко ее заинтересовало.

- ◆ получить от нее хотя бы
- ◆ коротенькую записку в несколько слов.

Думаю, что Йосико Сакагами напишет вам очень скоро. Она позволила мне сообщить вам пароли для доступа на некоторые странички ее сайта. Как вам известно, наш форум включает в себя множество рубрик. Тот адрес, на который писали вы, предназначен для новичков. (Мы его так и называем: адрес для «чайников». Не принимайте это на свой счет, тем более что так мы называли и саму Йосико Сакагами, когда ее познания в области высоких технологий и Интернета находились еще в зачаточном состоянии. Забавно, не правда ли?) На следующей страничке вы найдете список всех рубрик. Сначала жмите на «Наука и техника. Я знаю все», а далее переходите на тему «Наука о жизни. Общие понятия». Эта рубрика имеет подразделы – кликните на «Инфекционные микроорганизмы». На некоторые страницы вы не сможете попасть просто так – тогда отбросьте две последние буквы из названия нужной вам темы и жмите на «ввод». Надеюсь, вы найдете все, что вас интересует.

Уихара вернулся домой лишь к вечеру. Обнаружив новое письмо от Ватанаби, он почувствовал себя еще лучше. Он весь дрожал от возбуждения: день явно удался. Ему посчастливилось выследить хромую старуху. Его охватила жажда деятельности. Но Уихара не хотел сразу приступить к изучению сайта г-жи Сакагами – ему нужно было немного успокоиться и прийти в себя.

Он вспомнил про кофеварку – нераспакованная, она до сих пор стояла на холодильнике. Аппарат этот состоял из двух конусов, навинчивавшихся один на другой. Бумажный фильтр вставлялся в углубление, усеянное бесчисленными мельчайшими отверстиями, – в него следовало насыпать молотый кофе. Вся эта конструкция помещалась в нижней части кофеварки. Верхняя же часть представляла собой что-то вроде трубки, через которую изливался готовый напиток и свистал горячий пар. Следуя указаниям инструкции, Уихара насыпал кофе, налил в резервуар воды и поставил кофеварку на медленный огонь. Вообще-то для приготовления приличного кофе требовалась минералка, но он обошелся водой из-под крана. Ладно, зав-

тра он сходит в магазин и купит нормальной воды. К его удивлению, онигири, которые он купил там, оказались необычайно вкусными. К тому же Уихара чрезвычайно понравилось то место – тишина и покой, птички щебечут, солнышко... Ах да... там еще была эта старуха... «Но в принципе все идет нормально. И ведь только сегодня я начал понимать себя!» – подумал Уихара.

Его врач утверждал, что недосыпание может еще больше осложнить положение. Это оказалось сущим бредом. Прошлой ночью он спал всего три часа и тем не менее смог даже выйти на улицу и прекрасно прогуляться. А потом посидеть на лавочке перед магазином и под пение невидимых птичек насладиться замечательными рисовыми шариками. Уихара уже и не помнил, когда последний раз слышал птичье щебетание и когда последний раз нормально ел. До этого он довольствовался лишь пирожными, сладостями и фруктами. Таблетки отбивали у пищи всякий вкус, и он мог есть только очень сладкое. А мать, как нарочно, думала, что сласти доставляют ему удовольствие, и приносила их тоннами. Уихара случалось слопать в один присест дюжину упаковок печенья, двадцать сладких каштанов, почти столько же пирожков с земляникой и килограмм ванильного мороженого «Хаген Датц». Следом отправилось энное количество стаканчиков с шоколадным пломбиром и коробка с сухофруктами. Но Уихара привлекал не вкус – просто это были единственные продукты, которые он мог взять в рот.

Иногда спросонья его охватывало неодолимое желание съесть что-нибудь кроме сладостей. Это чувство было сродни сексуальному возбуждению. Его преследовали мысли о давно забытых блюдах, мучили неведомые запахи. С кофеваркой вышла та же история. Однажды Уихара ни с того ни с сего захотелось приобрести кофеварку – то ли он увидел ее в кино, то ли в каком-то журнале. О своем желании он, как водится, тотчас же сообщил матери. «Чего-чего?» – переспросила та, но Уихара огрел ее шлангом от пылесоса. В итоге мать отправилась в магазин за кофеваркой вся перевязанная и вымазанная йодом. Но когда она принесла аппарат домой, ему уже не хотелось кофе.

В собранном виде кофеварка напоминала сверкающие песочные часы. Как только Уихара включил газ, ее прозрачные стенки покрылись изнутри испариной, и через некоторое время из трубки стал вырываться пар. Агрегат засопел, засвистел и скоро перекрыл доносившийся с улицы шум грузовиков. По квартире стал распространяться чудесный аромат. Пока готовился кофе, Уихара постарался припомнить то место, где жила старуха. Ему показалось, что он слышит щебетание птиц и писк какого-то неведомого зверька. Потом перед его мысленным взором появились три полуразрушенных дома. Старуха зашла в последний – остальные пустовали. Оттуда не слышалось ни звука, почти все стекла были выбиты, окна заколочены крест-накрест. На одном из домов Уихара обнаружил полустертую надпись: «Кинокомпания „Тобу-Синниппон“. Кинохроника. Монтажная. Отдел кадров». Стены хибар были покрыты трещинами, внутри на полу валялись мусорные мешки и целые кипы старых газет и журналов. Повсюду блестели осколки битых бутылок. Пахло плесенью. Рядом с домом Уихара заметил размокшую от дождя коробку, наполненную какой-то дрянью. Уихара пригляделся и понял, что это перчатки. Верхний слой отсырел и потемнел от влаги, но в середине это были самые настоящие белые перчатки, вполне годные для ношения. Уихара пошарил палкой, вывалил на землю целый ворох и стал примерять пару за парой. В таком месте белые перчатки выглядели более чем нелепо.

После долгих и сложных процедур Уихара удалось налить себе чашечку кофе. Он отпил самую малость и вдруг почувствовал боль. «Боль – это признак выздоровления», – говорил ему психиатр.

– Хм, а каким образом я могу выздороветь? – спросил сам себя Уихара.

Ответ был прост: наконец появился человек, которого он должен был убить.

На домашней страничке Йосико Сакагами он какое-то время изучал меню. Страница пестрела многочисленными разноцветными рубриками. Розовая гласила: «С утра и до вечера, в любое время присылайте ваши сообщения». Другая, красная, предлагала посетить личный дневник г-жи Сакагами. Оранжевая – биография, библиография и личные данные. Желтыми буквами светилось следующее объявление: «Йосико Сакагами. Знаменитые люди нашего столетия, их работы, афоризмы», коричневые значки обозначали: «Сюда приходят ваши первые сообщения», и, наконец, белым цветом переливалась надпись: «Вы 128 094-й посетитель нашего сайта». Цифра «128 094» постепенно темнела, становилась красной, а затем черной.

Уихара пробыл на сайте всего несколько минут, и его охватило странное чувство. Это был шестой раз, когда он «зашел в гости» к Йосико Сакагами: сначала он только лишь просматривал меню; на третий раз он решился послать сообщение. И только с пятой попытки ему удалось выйти на саму г-жу Сакагами. Водя курсором по экрану, Уихара размышлял о том, кто придумал выражение home page – «домашняя страничка». Это ведь стопроцентное попадание – домашняя страничка! Сайт Йосико Сакагами создавал именно такое впечатление. Уихара казалось, что он открыл старую детскую книжку, которую читал много-много лет назад. Ему было очень хорошо, и, главное, он чувствовал себя в безопасности. «Вот мой настоящий дом, – думал Уихара. – Здесь я вернулся к жизни. Тут все по-настоящему. Человек сначала знает только свою колыбель или кровать, а уж потом начинает понемногу изучать другие комнаты, сад... Сегодня я стал человеком... и нашел свой путь!»

Он навел курсор на светящуюся надпись «С утра и до вечера...» Открывшаяся страница была выполнена в розовых тонах и совсем не утомляла глаз. Уихара прочел предупреждение: «Мы удаляем все сообщения, которые содержат оскорбления в адрес частных лиц и организаций» – буквы исчезали и вновь возникали, словно пульсировали.

С – утра – и – до – вечера – в – любое – время – присылайте – свои – сообщения.

Уихара впервые попал на эту страничку. Как и прочие, она представляла собой большой список рубрик. Для тех, кто не смог найти ничего интересного, существовала отсылка на страницу «Сюда вы можете направить ваше первое сообщение». Список рубрик был выровнен по центру.

Политика

1. Общие сведения.
2. Реформа управления.
3. Договор с США о безопасности и американские военные базы.
4. Окинава – проблемы и решения.
5. Охрана окружающей среды.
6. Развитие производства и экология.
7. Внешняя политика. Дипломатия. Общие вопросы.
8. Здравоохранение и социальная политика.
9. Национализм.
10. Конституция Японии.
11. (данная рубрика недоступна)

Экономика

1. Общие вопросы.
2. Финансовый кризис на азиатском рынке.
3. Сомнительные долги.
4. «Большой взрыв» в сфере финансов.

5. Венчурный бизнес.

Разделы «Политика» и «Экономика» были взаимосвязаны – об этом чуть ниже свидетельствовал баннер.

Социология

1. Проституция и преступность в подростковой среде.
2. Продвижение по службе. Смерть от несчастного случая на производстве.
3. Безработица и старение населения.
4. Учебники истории для школы.
5. Проблемы этики и интеллектуальной собственности в Интернете.
6. Расизм и сегрегация.
7. Супружеская неверность.
8. Система образования. Вступительные экзамены. Общие вопросы.
9. Природные катаклизмы. Волонтеры.
10. Самоубийство.
11. Недовольство средствами массовой информации.

Наука и техника. Я знаю все!

1. Наука о жизни. Общие вопросы. Всякая всячина.
2. Обожаю аниме!
3. Чемпионат мира по футболу.
4. О японском языке.
5. Да здравствует японское кино!
6. Голливуд, банзай!
7. Очарование европейского кино.
8. Последние прочитанные романы.
9. Попса.
10. Опера и балет, дорогуша!
11. НБА и НХЛ.
12. Нет, джаз не умер...
13. Сексуальные извращения.
14. Болезненное начало во французском символизме.
15. Хорошие рестораны рамен.
16. Спорт на свежем воздухе.
17. О путешествиях.
18. Как мы съездили на Гавайи.
19. Вино не лжет.
20. Бейсбол – это жизнь!
21. Фанаты фотошопа.
22. Я училась за границей.
23. Откровенные фотки: последний выпуск.
24. Как составить завещание.
25. Акико, не выходи замуж!
26. Понятие общины пришло к нам от монголов.
27. Письма иммигрантов.
28. Искусство бонсай для молодежи.
29. Поехали искать горячие источники!

30. Татуировка. Пирсинг.
31. Любителям «феррари».
32. Нас волнует проблема образования наших детей.
33. Наш сад.
34. Любовь без крыльев.
35. Ах! Волшебные шестидесятые...
36. Интимный дневник домохозяйки.
37. Турагентства предлагают.
38. Карри и спагетти.
39. Места для тайных свиданий в Киото.

«Да, такая страничка вряд ли когда-нибудь прекратит свое существование», – думал Уихара. Число участников будет расти до бесконечности – каждая рубрика была снабжена счетчиком сообщений. Номер двадцать шестой, например, посетило всего двое, зато «Интимный дневник домохозяйки» читало более двух сотен человек. Как и рекомендовал Ватанаби, Уихара щелкнул мышкой на «Науку и технику...», и надпись тотчас же стала наливаться красным. Уихара испытал то же чувство, что и в детстве, когда шаг за шагом исследовал свою комнату, а потом и весь дом. Теперь домом для него стал сайт Йосико Сакагами, и Уихара ничуть не опасался заблудиться в нем.

1. Генная инженерия. Клонирование.
2. Расшифровка человеческого генома.
3. Рак и иммунная система.
4. Мозг. Нервная система.
5. Стимулирование роста клеток.
6. Метаболизм. Растворимые ферменты.
7. Инфекционные микроорганизмы.
8. Теория эволюции.
9. Проблемы этики и научный прогресс.
10. Наука о жизни и философия.

Через несколько мгновений загрузилась новая страница. Уихара чувствовал себя на седьмом небе от счастья: ему одному позволили проникнуть в этот заветный, высший мир. Дизайн новой страницы отличался от предыдущих – здесь все было серьезно, никакой стилизации и завитушек. Стил, отличающийся простотой и строгостью. Уихара кликнул на «Инфекционные микроорганизмы». В окне запроса появилось [http://www](http://www.sakagamis-appointment.com), потом [Sakagamis-appointment.com](http://www.sakagamis-appointment.com) и, наконец, [bulletin-boards01/lifescience07](http://www.bulletin-boards01.lifescience07.com). Все было так, как писал ему Ватанаби. Уихара удалил две последние буквы в последнем слове названия и нажал «Открыть адрес».

Поначалу экран оставался черным, но через полминуты на нем высветилось:

Если вы попали сюда по ошибке или пытаетесь загрузить страницу без предварительной регистрации, убедительная просьба немедленно выйти из системы. Если вы продолжите, мы оставляем за собой право на применение к нарушителю установленных законом санкций. Предупреждаем: ваш электронный адрес уже идентифицирован!

ИНТЕР-БИО

Текст предупреждения был продублирован на английском. Потом экран на секунду погас, и Уихара прочел:

Доступ разрешен. 19 октября 1998 года. Число посещений: 1.

Фамилия, имя: Уихара Хироси.

Адрес: Токио, Хигаси Мураяма-си, Савагучи-тё, 3-44-2, дом Цурута, кв. № 5.

III

Уихара навел курсор на свое имя, и экран загорелся розовым цветом: «Добро пожаловать!» Надпись проплыла перед его глазами справа налево – это напоминало открывающийся театральный занавес. Потом экран запестрел молниями, и из них соткалось слово «Интер-Био» – оно оказалось зеленого цвета. За ним шел заголовок, написанный по-английски и по-японски: *Паразиты / кёсейчу*.

Внизу, под заголовком, располагалась картинка, на которой был изображен клык какого-то дикого животного. Вглядевшись получше, Уихара понял, что этот клык состоит из мириад кишащих червячков. Черви вытягивали свои уплощенные головки по направлению к отверстию, напоминавшему человеческий рот. Уихара долго не мог отвести глаз от этой картинки и все пытался вспомнить, похожи ли эти черви на того, длинного и серого, который вполз в его тело в больничной палате для смертников...

...Когда Кортес во главе восьмисот человек вторгся в Мексику, там еще сохранялись древние ацтекские ритуалы, связанные с человеческими жертвоприношениями...

С этих слов начинался текст, подписанный неким Лангельхаансом.

...Невозможно и представить себе, как удалось Кортесу всего лишь с восьмью сотнями головорезов уничтожить целую цивилизацию – империю ацтеков, насчитывавшую около трехсот тысяч жителей. Позже мы вернемся к этому вопросу.

Но в первую очередь хотелось бы остановиться на не менее интересном моменте – я имею в виду человеческие жертвоприношения, которые у ацтеков были в большой чести.

Судя по всему, ацтеки не были единственным народом Америки, который практиковал чуть ли не ежедневные жертвоприношения. И майя, и тольтеки также приносили людей в жертву своим богам. Сомнений не вызывает и тот факт, что подобные ритуалы проводились на вершинах пирамид, каковые представляли собой четыре плоскости, превращенные в гигантские лестницы, ведущие в самое святилище.

Геологические исследования полуострова Юкатан показали, что он являет собой своеобразный пирог: сверху располагается ил, а под ним – скальные породы, которые легко пропускают воду. Таким образом, ни один внутренний водоем на полуострове никогда не наполняется до краев – излишек воды мгновенно уходит. Еще на заре цивилизации люди научились строить гигантские подземные водохранилища, дно которых укреплялось известью. Особенностью этого материала была его способность быстро затвердевать при контакте с водой. Необходимо заметить – такие сооружения появились вовсе не из-за развития цивилизации. Наоборот, само существование цивилизации напрямую зависело от возможности хранения больших запасов воды. Все остальные технические усовершенствования имели целью доставить населению Мексиканского нагорья необходимое количество пищи. Численность населения росла по экспоненте – от нескольких десятков тысяч человек, которые существовали главным образом за счет так называемых плавучих садов – чинампас, до более чем двух миллионов жителей. Строительство ирригационных систем непосредственно влияло на развитие земледелия. И тем не менее это не смогло избавить край от постоянной угрозы голода. Голод и являлся той причиной, из-за которой так или иначе заканчивали свое существование государства этого региона.

Когда Кортес и его солдаты вступили в Мехико, они были поражены до глубины души тем, что увидели. Монтесума II, последний император ацтеков, провел их прямо в святилище храма в Теночтитлане, где перед изумленными завоевателями развернулись поистине адские картины. Повсюду они видели человеческие внутренности и кости. Сердца умерщвленных

жертв были выложены на широкие плоские камни, специально для этого предназначенные, а на полу и на алтарях были кучами навалены черепа.

Впрочем, я не намерен подробно останавливаться на данном вопросе – существует множество доступных источников, посвященных ацтекским ритуальным практикам. Также вряд ли нужно особо отмечать и тот факт, что человеческие жертвоприношения выполняли не только религиозную, но и продовольственную функцию. Общеизвестно, что тела жертв немедленно съедались после церемонии. Вот как описывал это Марциал дель Диего:

Сердца вырывали из груди и приносили в дар небу. Все святилище было залито кровью – кровь предназначалась Солнцу. Тела несчастных были сброшены на западный склон пирамиды, в сторону заходящего светила. По окончании церемонии вконец обезумевшие воины пустились в пляс, славя умерщвленных пленников, мясо которых уже готовилось на огне...

В таких случаях обычным блюдом было рагу из человечины с перцем и томатами. Но было бы неверным полагать, что индейцев подталкивала к таким ужасным проявлениям каннибализма одна только жестокость. Необходимо помнить, что в ту эпоху население испытывало постоянную нехватку животных белков, а риск гибели урожая был очень велик. Таким образом, каннибализм обуславливался перманентным продовольственным кризисом.

Правда, в Перу инки разводили лам – животных семейства верблюдовых, но их жесткое и волокнистое мясо было практически несъедобным. К тому же в конце ледникового периода численность лам сильно сократилась.

Итак, первосвященник разливал кровь жертв в небольшие сосуды, чем-то напоминавшие греческие амфоры, и передавал их хозяевам казненных. Как правило, это были члены императорской семьи и представители аристократии. Сердца жарили на открытом огне и приправляли специями тако. Черепа наваливали кучей прямо на алтарь. Кстати, тут нужно отметить, что весь этот ритуал у ацтеков никогда не переходил в оргию, а все пригодные в пищу части тел аккуратно съедались – все это напоминало разделку китовой туши у современных китобоев.

Ацтекские воины проходили специальную тренировку – они должны были обязательно брать врага живьем, так как для жертвоприношения мертвые не годились. Пленные доставлялись в город со всеми предосторожностями и под охраной – для того только, чтобы после быть подвергнутыми ужасным пыткам. Пытка была необходимым условием. Считалось, что один пленник, способный выдержать столь мучительное испытание, стоил тысячи неприятельских солдат. Неплохой расчет, как вам кажется? А теперь представим себе, в каком состоянии должны были находиться наши далекие предки, чтобы спокойно смотреть на своих окровавленных и растерзанных жертв, которым вырывали с мясом ногти и отрубали конечности? Ну конечно, сейчас подобные опыты вызвали бы волну возмущения и осуждения всего цивилизованного человечества. Но как бы то ни было, можно с уверенностью сказать, что инстинкт убийцы, убийцы, получающего удовольствие при виде чужих мучений, все еще жив. Каждый из нас обладает им в полной мере.

Франциско Оливер, который участвовал в подавлении четвертого восстания индейцев в составе испанского экспедиционного корпуса, оставил нам весьма любопытные свидетельства:

Перед самым умерщвлением пленнику завязывали глаза куском материи. Потом начиналась пытка. Сердце считалось символом отваги, и только первосвященник и самые доблестные и знатные воины имели право употреблять его в пищу. Среди пленников не было ни одной женщины – только мужчины. До казни их запирали в помещениях наподобие тюремных камер, где содержали, оказывая всевозможные почести, до самого последнего дня. Это являлось знаком их особого положения. Пленник имел возможность выбирать себе пищу по вкусу, в том числе и мясо сома супия – деликатеса из деликатесов. Самые знатные из пленных могли даже купить себе женщину. Незадолго до казни их заставляли глотать белых червей, которых извлекали из внутренностей рыб, обитавших в местном озере. Черви эти были

весьма тонки и невероятно длинны. Ацтеки называли их «биоичицу». Черви так прирастали к рыбе, что, казалось, составляли с нею одно целое. Извлечь такого червя голыми руками было нельзя – он тут же рвался пополам, поэтому первосвященник употреблял для этой цели кусочек специально обработанной собачьей кожи. Извлеченных таким образом червей помещали в керамический сосуд с изображением полумесяца и фигуры священника. Затем в чашу наливали кровь, и черви плавали в ней, выписывая на темной поверхности замысловатые круги. Пленника заставляли выпить этот странный напиток, и червь попадал в его нутро. Надо сказать, что никто из пленников не отказывался от этого испытания, так как считалось, что червь этот является носителем божественной силы и воли. Скоро вслед за этим началась и сама церемония. Опьяненные телом и духом пленники переносили страшные пытки с улыбкой. Никто не кричал от боли, но каждый распевал боевые песни своего племени. Перед смертью несчастные терпели кошмарные мучения. К ним подходили древние, измазанные грязью старухи с ожерельями из человеческих зубов и раскаленными добела металлическими прутьями старались выжечь им глаза или ткнуть в пах. Изрыгая проклятия, старые ведьмы вонзали ужасные прутья прямо в глотки жертв. Но пленники находились в состоянии такого возбуждения, что некоторые из них во время особо жестоких пыток даже испускали семя.

Наконец жрец особым ножом перерезал пленнику горло и исторгал у него из груди еще бьющееся сердце...

К слову, это не единственное в своем роде свидетельство о существовании червя. Всемирная история не сводится только лишь к завоеванию Америки испанцами; мы находим упоминание об этом загадочном паразите в летописях, относящихся к временам монгольского вторжения в Иран. Надо сказать, и монголы его также почитали как символ отваги и мужества. Кроме того, лингвистические исследования выявили поразительное сходство: слова «биоичицу» и «симбиоз», оказывается, имеют в своей основе общий корень – новость, заставляющая задуматься над гипотезой о едином происхождении языков на нашей планете.

Итак, нет ничего сверхъестественного в том, что Кортес и его немногочисленный отряд без особых трудностей смогли сделаться настоящими хозяевами гигантской по тем временам империи ацтеков, насчитывавшей более трехсот тысяч подданных. Бесполезно отрицать тот факт, что подвиг испанцев стал возможен лишь благодаря действию почти невидимого червя, который и сегодня продолжает влиять на волю и сознание людей во всем мире. И над этим стоило бы задуматься.

На этих словах текст обрывался. Далее следовало сочинение, автор которого именовал себя VX-gaz. Уихара так и не понял, кто такие ацтеки и где на самом деле они жили, но тем не менее само звучание этого слова завораживало его. Описания жутких казней и ритуальных убийств возбудили в нем похоть – он быстренько отложил ноутбук и принялся наяривать свой член. Дроча, он воображал себя великим индейским жрецом и в конце концов чуть не забрызгал спермой компьютер. Потом, немного успокоившись, Уихара уселся обратно на кровать и стал читать текст VX-gaz'a.

Мне очень хотелось бы, чтобы эти строки были подобны легковесной бабочке, затерявшейся в бездонной небесной сини. Осень дарит нас последними солнечными деньками, и мне начинает казаться, что неизвестно откуда раздаются чарующие звуки вибратона Милта Джексона... все тише... тише... Но это, конечно, никакой не вибратон, а всего лишь мой электро-массажер. Хочется быть предельно лаконичным, к чему так настойчиво призывает нас г-жа Йосико Сакагами.

В американских архивах я не нашел ни следа упоминания о хослокатерии. Нет, я не занимаюсь биохимией, не исследую химические процессы в головном мозгу... моя специальность

находится на стыке этих двух наук. Должен сказать, что в лаборатории, где я работаю, в данный период особенно много времени уделяется изучению и последующему обсуждению научных трудов, относящихся к началу двадцатого столетия.

Если быть более точным, эти труды восходят к временам, когда обычный оптический микроскоп уступал свои позиции микроскопу электронному. Выражаясь языком джазовой музыки... Впрочем, нет, довольно болтать! Одним словом, эти труды принадлежат далекому прошлому, когда познания биологов не шли далее молекулярного уровня, а в науке господствовал чистый материализм. В числе прочего мне попадались работы немецких ученых начала века, а точнее, статья некоего Хайница Шанке, озаглавленная: «Вырабатывание адреналина эндокринными железами, находящимися под корой головного мозга овцы». Статья посвящена процессу выработки эндорфинов в овечьем мозгу – тема, надо сказать, раскритикованная позже в пух и прах. Известный ветеринар, старик Шанке был сыном крупнейшего скотопромышленника и жил в местности, именуемой Эйфель Вестервальд, что на самой границе с Бельгией. Благодаря папашиним овцам Шанке имел неограниченный запас биоматериала и в научных целях обезглавил не один десяток тысяч несчастных барашков. Но как бы то ни было, в своих изысканиях Шанке на целых десять лет опередил известного профессора Калифорнийского университета Владимира Уильямбурга (которого, кстати, тоже вспомнили только в шестидесятых годах).

Буду, по возможности, краток. Шанке установил, каким именно образом головной мозг вырабатывает эндорфины. Ему удалось выделить в чистом виде то, что сегодня называется проопиомеланокортин. (Кстати, шотландским ученым во главе с Джоном Хьюзом удалось получить энкефалин лишь во второй половине семидесятых!) В самом начале двадцатых годов в местности Эйфель Вестервальд разразилась эпидемия, изрядно сократившая овечье поголовье. Известие докатилось и до широких масс. Дело в том, что овцы – десятки тысяч овец – совершили что-то вроде коллективного самоубийства, бросившись со скалы в пропасть. Были отмечены случаи нападения на людей. И это при том, что овца всегда считалась символом покорности и незлобивости! Шанке принялся изучать срезы их головного мозга и обнаружил серьезные нарушения в аминных цепочках, состоящих главным образом из проопиомеланокортина.

Кроме того, на внутренней стороне овечьих черепов Шанке нашел нечто напоминавшее сегменты тела какого-то паразита. Впрочем, он не стал делать из этого факта далеко идущих выводов, хотя и предположил, что этот неведомый паразит мог послужить непосредственной причиной столь серьезных нарушений аминных связей. Зато это открытие стало важной вехой в истории изучения червя хослокатерия.

Я убежден, что нарушения в аминных цепочках (которые непосредственно относятся к синтезу эндорфинов) может вызвать вещество, содержащееся в выделениях червя. Попробую приблизительно описать сам процесс.

Функции эндорфинов не сводятся к какой-либо одной, да и вряд ли их можно выразить двумя-тремя словами. Я не стал бы утверждать, что смог до конца разобраться в этой проблеме – мне трудно привести логическое обоснование даже тех выводов, которые я сумел сделать.

Для примера можно взять наркотическую интоксикацию, благо наименований наркотиков столько, сколько звезд на небе. Что вам – счастья? горя? Но сперва подумайте вот над чем: по каким причинам морфий или героин захватывают всю власть над нашим сознанием и волей? Размышляя над этим вопросом, люди и открыли эндорфины. Короче, секрет действия морфия заключается в том, что человеческий организм вырабатывает схожие вещества. А поскольку наши клетки – существа довольно-таки *упрямые и независимые*, они сохраняют при своем делении только те элементы, которые непосредственно будут обеспечивать их жизнедеятельность. Да, но как так получается, что в клетку проникают только *полезные* ей вещества? Очень просто – это задача рецепторов. Феномен биологической жизни зиждется на этом

факте. Только благодаря действию рецепторов-*привратников* опасные вирусы поражают наш организм не полностью, а в каком-нибудь одном месте. Грипп, например, поражает клетки, находящиеся в районе горла, но это вовсе не означает, что сам вирус проникает в наш организм только через нос или рот. А ВИЧ, о котором сейчас только все и говорят?... Он воздействует только на клетки иммунной системы и ни на какие другие! И лишь то, что мы в просторечии именуем гормонами – вещества, вырабатываемые в хорошо нам известной точке тела, – продукты деятельности эндокринных желез, которые мгновенно попадают в лимфатическую систему, короче, лишь гормоны способны *пройти* весь организм. Кстати, деятельность эндокринной системы никогда не прекращается, гормоны вырабатываются постоянно и попадают даже в самые отдаленные уголки нашего тела.

Но и гормоны *проходят* не через все клетки – вообще, если подумать, это же величайшее чудо! – и в этом опять заслуга рецепторов. В этом плане гормоны и рецепторы часто сравнивают с пенисом и влагалищем – одни гулянки на уме! Возьмем лучше иную аналогию – ключ и замочная скважина. Если ключ подходит, то замок открывается без проблем, и наша клетка, что называется, *открыта*. Ну, далее наступает состояние эйфории или, наоборот, полнейшего пофигизма. Вот таким вот образом и действует морфий. Ну а зачем, спросите вы, появились эти рецепторы? Да потому что наш организм вырабатывает много чего такого, что по своему составу напоминает наркотические вещества.

Теперь перейдем к процессу выработки нейронами эндорфинов. В этом процессе нельзя обойтись без своего рода передаточного механизма – эдакого акционерного общества «Нейро-перевозчик и сыновья». Ну ладно, пусть будет энкефалин. Вначале мы видим клетки, которые вырабатывают адреналин (сами они состоят из норадреналина). Все нервные клетки находятся во взаимосвязи – приблизительно в такой же, как курильщик и владелец табачной лавки. В самом конце мы видим нейроны-возбудители и нейроны, выполняющие контрольные функции. В принципе и те и другие находятся под управлением *главного* нейрона, который отдает им *приказы* и вообще регулирует их деятельность. Но вот в организм попадает героин. В качестве заменителя энкефалина он возбуждает рецепторы, которые не способны отличить его от настоящего энкефалина. Иначе говоря, героин так изменяет *поведение* нейронов-возбудителей, что они уже не могут передавать никаких сигналов. При этом прекращается выработка норадреналина, и следующий нейрон уже не получает ничего. Все, мертвый штиль. Нервная система бездействует. Чрезмерная доза героина, таким образом, сводит к нулю мышечный тонус, подавляет сердечнососудистую систему, снижает частоту дыхания – и все, кранты, наступает смерть. А нормальная доза, наоборот, снимает излишнее напряжение и вызывает только положительные ощущения. Результат – неземное блаженство. А в это время настоящий энкефалин, будучи так злостно *обманутым*, теряет свои функции, как ненужное организму вещество. И если с биологической точки зрения постоянные инъекции героина несомненно вредны и опасны, то, с другой стороны, удовольствия они доставляют куда больше. Я, разумеется, слишком упрощаю, но ручаюсь – все так и есть.

Периферийные области нашего мозга отвечают за управление эмоциями. Именно здесь обрабатываются и корректируются наши с вами чувства, настроение, сознание. В этой части мозга находятся так называемые *голубые точки*, которые выполняют функции своего рода *службы безопасности*. Наше внимание, бодрствование, чувство тревоги, страха или удивления напрямую зависят от них. Посмотрим теперь, что происходит при гиперсекреции норадреналина в состоянии наркотической ломки. Энкефалин больше не вырабатывается. Действие героина закончилось. Но норадреналин продолжает возбуждать нейроны, и то же делают *голубые точки*... Ну и что получается, как вы полагаете? Конечно, человек начинает испытывать тревожное состояние, переходящее в панику, которое и зовется *наркотической* или *героиновой* ломкой.

До сих пор я строил свои объяснения, исходя из посылки, что деятельность эндорфинов происходит по единой модели. Но открытие, сделанное доктором Шанке, свидетельствует о том, что присутствие червя в организме тем или иным образом ведет к полному расстройству всей системы нейронов, что вырабатывает эндорфины. Одна из гипотез утверждает, что такие вещества, как эндорфины, просто-напросто исчезают из организма. Другая гипотеза стоит на том, что в процессе жизнедеятельности червя-паразита действие эндорфинов становится просто неуправляемым. Но что бы ни утверждали все теории, вместе взятые, несомненным остается только факт воздействия червя на человеческое поведение и волю. Поэтому не забывайте, пожалуйста, о старом докторе Шанке!

Уихара прочитал этот текст раз десять и только на десятый раз смог произнести такие слова, как «эндорфины» или «энкефалин». Что это такое, он не знал. Поначалу у Уихара сложилось впечатление, что перед ним не нормальный человеческий текст, а какой-то идиотский ребус, составленный к тому же на иностранном языке. Удивительно, но этот факт его ничуть не расстроил. Уихара чувствовал себя как турист в гостиничном номере в чужом, незнакомом городе, лениво листающий утреннюю газету. Правда, он ни разу не был за границей, но тем не менее живо представлял себе городской пейзаж за окном, фасады домов, небоскребы. Ему чудилось, что он стоит у окна и разглядывает прохожих, спешащих по своим делам, различает черты их лиц, их одежду... Впрочем, окажись Уихара на самом деле за границей один, он здорово испугался бы, но все равно эта мысль возбуждала его. Чего стоила только лишь утренняя газета на столике! Уихара часто испытывал эти два чувства – страх и возбуждение одновременно... Смысл прочитанного оставался недоступен, но это только заставляло учащенно биться его сердце. Конечно, такое чтение никак не могло наскучить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.